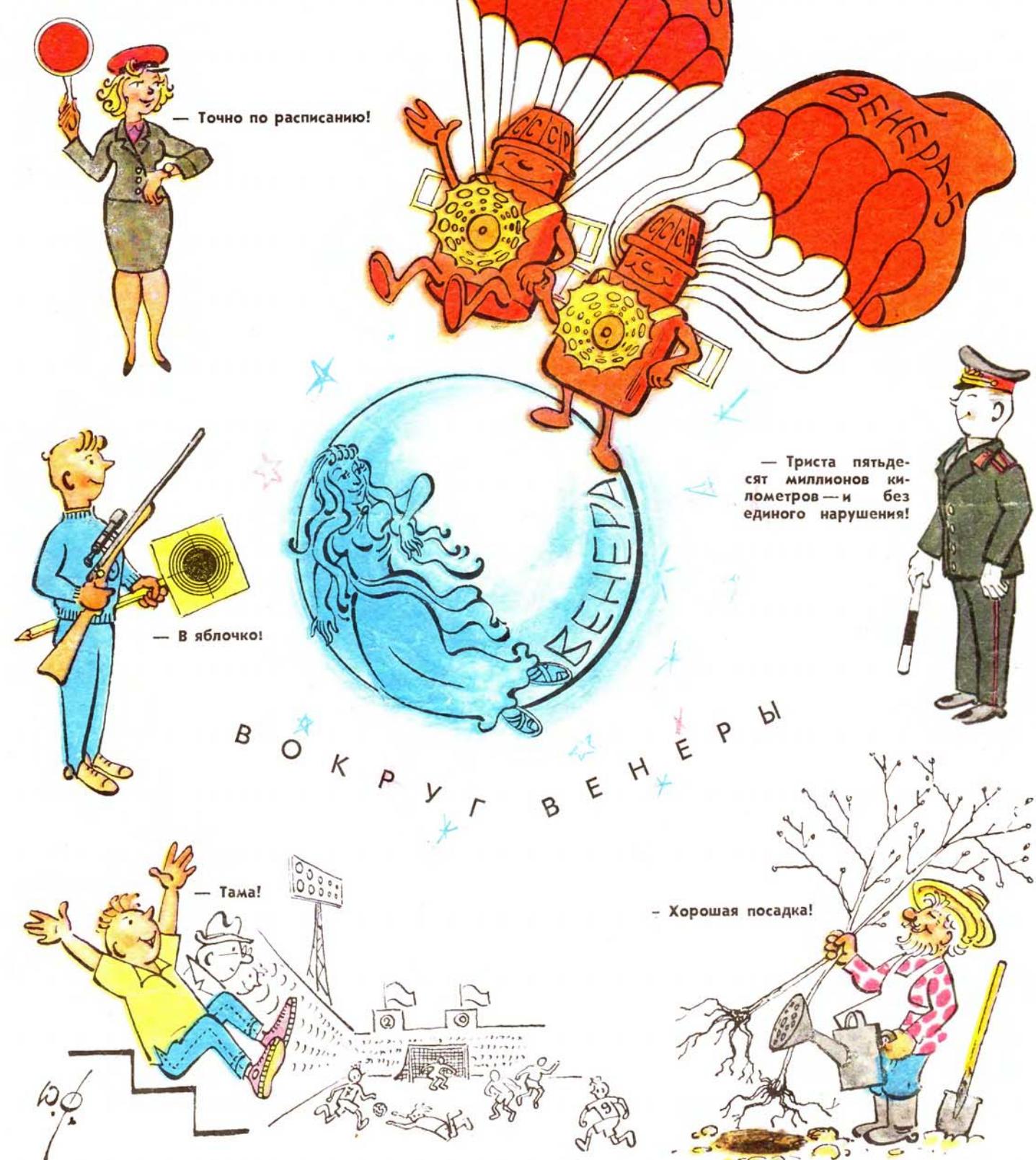


КРОКОДАМЫ

15
МАЙ 1969

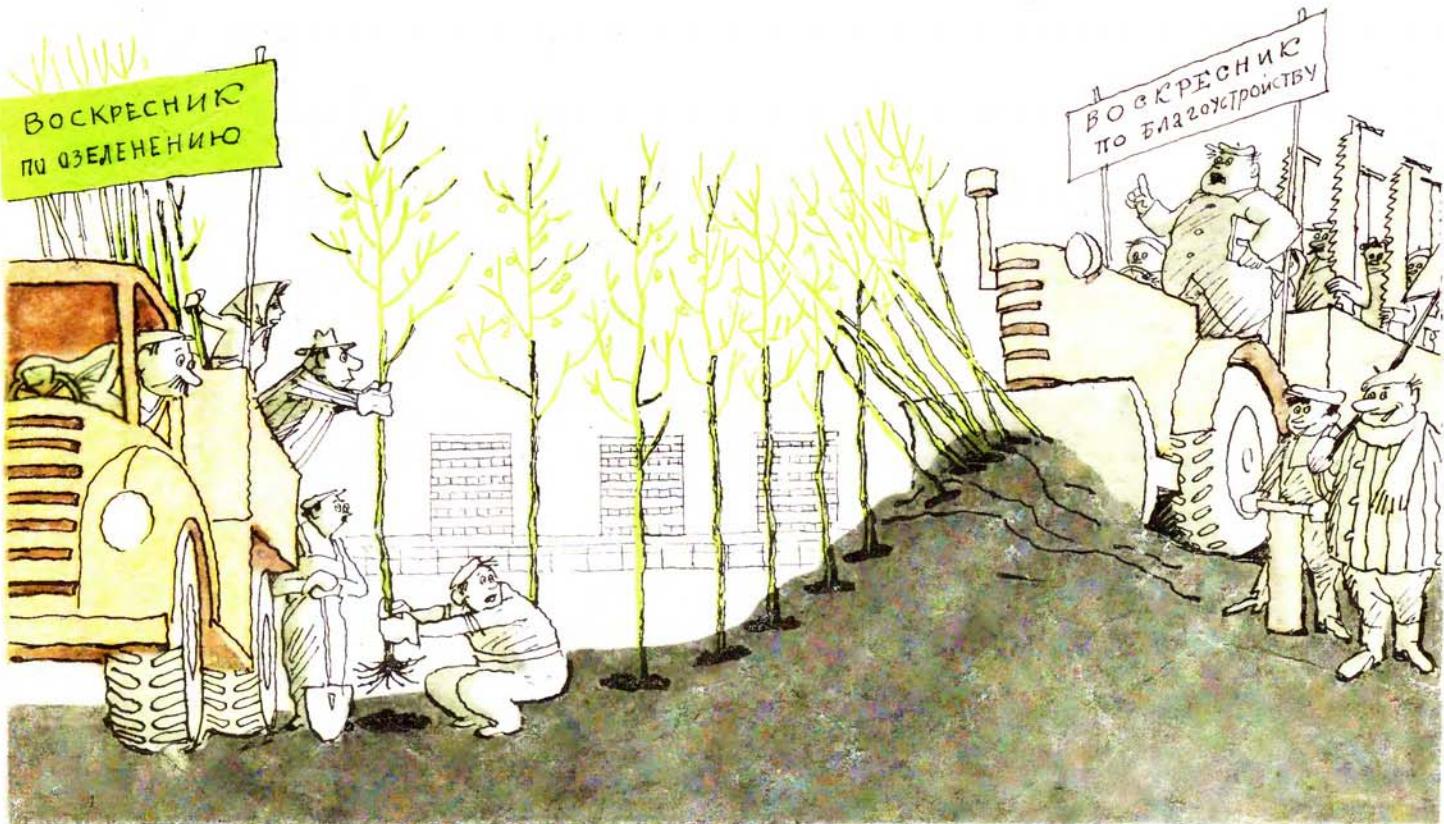
Рисунок Юрия ФЕДОРОВА





Весна или осень,
Зима или лето —
Потоки запросов,
Потоки ответов
Текли и впадали в бумажные реки,
Которые не высыхали вовеки.
Текли отношения и предписания,
Едва умещаясь подчас в берегах...
И вдруг в министерство пришло указание:
Вести переписку отныне
в стихах!
Да, раз мавсегда отказавшиеся от прозы,
Запросы
лишь только в стихах создавать
И на стихотворные эти запросы
Немедля
стихами
ответы давать!
Ах, так высоко не ценились поэты
Ни разу в истории нашей планеты!
Ведь каждой кантоне — а счету им нет! —
Теперь попагался по штату поэт.
Не для сочинения запросов, ответов,
А также иных стихотворных бумаг
Талантливых
недоставало поэтов,
Бездарных —
и то не хватало никак!
Приходит запрос на завод. А в запросе
Заказчик в стихах элегических просит:
«Ах, сдайте скорее нам тот агрегат,
Что мы заказали,
три года назад!»
Директор завода
две ночи упорно
Писал в форме басни ответ стихотворный —
Не вышло...
Потом в литкружке заводском
Был конкурс на пущую басню.
Потом
Директор, уставший над баснями мучиться,

Стал делать заказ...
Так скорее получится!
Семь дней составляло одно управление
В свой главк отношение-стихотворение,
В котором просило скорее, всерьез
Решить о лимитах и фондах вопрос.
Весь главк третий день сочиняет ответ,
Пытаясь ответ этот
втиснуть в сонет.
Но с фондами вышла, увы, закавыка:
Нет рифмы-то к фондам.
А ну, назови-ка!
Весь главк пятый день составляет ответ,
А фонды никак не рифмуются, нет!
Одни плановик
[Есть и в главке таланты!]
Блеснул новой рифмою:
«Фонды и «гланды».
Но сразу начальство сказали впрямую,
Что так лишь Рождественский Роберт рифмует.
И снова весь главк сочиняет ответ,
А фонды никак не рифмуются, нет!
И тут осенило начальника:
— Братцы,
Ведь можно во всем без стихов разобраться!
Вести переписку нельзя больше прозой,
Но можно зато ведь — была не была! —
И без переписки
решать нам вопросы
И без писанины
вести все дела!
Вот так со стихами намаявшись крепко,
Повсюду бумаги писать стали редко,
Решая без писем вопросы любые.
Стихи нас спасли от бумажной стихии,
И некогда бурный бумажный поток
Иссая,
+ ручейком еле видным потек!
Но, впрочем, конечно, я выдумал это:
Бумажные реки владают в моря,
Писать можно прозой запросы, ответы...
А зря!



— У вас свой воскресник, а у нас свой...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА



— Ну, допустим, что пуговицы у нас есть, а где взять нитку с иголкой?

Рисунок
С. КУЗЬМИНА

АНОНС!

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ

в Марийском Государственном
музыкально-драматическом
театре
состоятся
премьеры опер

**«Царская невеста»
«Евгений Онегин»
«Пиковая дама»**

Подробности см. на стр. 11

Наказание во спасение

Владимир НАДЕИН

Можете дать мне выговор, но позвольте вы сказать одно неправильное мнение. Или даже не мнение, а предложение.

Но прежде чем сформулировать его в окончательном виде, я должен для связности привести три факта. Три скромных жизненных факта, которые в целях экономии журнальной площади будут скжаты до протокольного минимума и поданы к читательскому столу без эмоционального гарнира.

Факт первый. В субботу, 29 марта, к перрону Павелецкого вокзала был подан поезд № 91 Москва — Камышин. Хотя нумерация вагонов начиналась с головы поезда, вагон № 1 как в голове, так и в хвосте отсутствовал. Кстати, обнаружить его в середине также не удалось. Поскольку все билеты на поезд были заранее проданы, на перроне образовалась группа по-дорожному экипированных граждан, терзаемых одним и тем же вопросом: куда сесть? Начальник поезда тактично уклонился от личного общения с пассажирами, нагло забаррикадировался в купе вагона № 7. Начальник вокзала отсутствовал. Дежурный по вокзалу, конечно же, «когда-то недавно вышел». Единственный наличествовавший представитель администрации — работница справочного бюро — сделала круглые глаза и сказала: «Не может быть...»

Тем временем поезд нервно залягал буферами, и запыхавшиеся искатели железнодорожной истины хаотическими колоннами двинулись на штурм вагона № 2. Эта единица подвижного состава была особенно удобна для яростного абордажа полным отсутствием всякого освещения. В чернильной тьме какой-то старушка с ходу вывихнула ногу, но ее воплей совершенно не было слышно, поскольку рядом во всю мощь непрокуренных легких орали трое спрессованных чемоданами дошкольников. Лопнуло и с небесным звоном рассыпалось оконное стекло...

Поезд, будто убоявшись разгневанных пассажиров, сделал попытку улизнуть из столицы. Но пассажиры, не дотащившие в вагоны свои семейные комплекты, решительно осадили его стол-краном. Когда же колеса наконец застучали на стыках, лишь один пассажир нежился в комфорте, поскольку еще в первые минуты посадки сразу же предусмотрительно расположился с чемоданами в туалете. Половина странников, понятно, всю ночь провела на ногах.

А неудачники, так и не сумевшие прописнуться в поезде № 91, до утра отбивали поползновения вокзальных кассиров взыскать штраф за опоздание на поезд.

Факт второй. Колхозник Новичков из станицы Новолокинской, Краснодарского края, приобрел телевизор «Аэлита». Как вы догадываетесь, телевизор испортился. После многих мытарств, столь банальных, что нет надобности их описывать, он получил разрешение привезти свой испорченный аппарат в Тихорецкое ателье.

Семидесят километров оберегал Новичков свою нежную электронику от ухабов и колдобин. А на семьдесят первом километре ему сказали:

— Кати домой, крестьянин. У нас переучут.
— Помилуйте, ведь я за тридевять земель проперся! Вы ведь сами сказали: привози.
— Сами сказали, сами и отказали.

Факт третий. В Петровский райпотребсоюз, Гомельской области, из Калинковичского мясокомбината завезли 2 073 килограмма колбасы. 1 724 килограмма было вскоре продано, а 349 килограммов залежались в неохлаждаемых закромах, приобретая скользкую консистенцию и непрередаваемый антисанитарный аромат.

Продавать эту колбасу врачи категорически запретили.

Но, презрев запрет, руководство Петровского райпотребсоюза спустило директиву: колбасу реализовать по обычной цене в виде обязательной закуски к водке.

На поллитра «Московской» 250 граммов духового мясопродукта — такова была директивная пропорция.

Ничего хорошего, конечно, не произошло, ибо от алкоголя никто не отвернулся. Желудочно-кишечных ужасов тоже не наблюдалось, поскольку продавцы осмотрительно предупреждали: «Колбаса — только для собак».

И счастливые петровские псы умяли 349 килограммов непредусмотренного харча.

Итак, три факта, три разных, казалось бы, никак не похожих происшествия.

Что же их объединяет?

— Да, безобразие, — сказали нам в Министерстве путей сообщения. — Но мы уже приняли меры. Виновным объявлены выговоры.

— Да, безобразие, — согласились в Тихорецком райсполкоме. — Но виновным объявлены выговоры.

— Да, безобразие, — признали в Гомельском облпотребсоюзе. — Но виновным объявлены выговоры.

Казалось бы, все в порядке. Стрелой сурогового приказа порок намертво пригвожден к доске по-зора.

Но прежде чем взять руки в порыве гражданско-дальнего удовлетворения, зададимся наивным вопросом: что есть выговор?

Один публицист образно воспел заслуженного строителя: «Он нес по палаткам свои выговоры, свои ордена и свои инфаркты».

Ордена и инфаркты — это понятно. Но почему выговоры?

А потому, что всякий человек не безгрешен в том смысле, что работающему свойственны ошибки. Человек хотел как лучше — получилось хуже. В результате появляется выговорная строкка: впредь будь внимательнее, бди!

Ну, а железнодорожники с Павелецкого или петровских кооператоров? Разве они хотели как лучше? Да нет же, нет! Они ведь в своем уме и преотлично понимают, что без вагона далеко не уедешь, что тухой колбасой сыр не будешь, что нагло врать клиентам нельзя.

Тогда в чем же дело?

А в том, что означенным руководителям на наши клиентские эмоции, скажем прямо, плевать. Потому что им заранее известен оптимальный исход — выговор. Звучит это вроде бы грязно, но страшит, увы, немногих.

Не замечали ли вы,уважаемые читатели, как постепенно, ползуче, незаметно для глаза произошла общественная девальвация выговора? То ли раздавали их слишком щедро, то ли снимали слишком легко... Только из разряда наказания они лениво переползли в разряд прикрытия, из грозного меча самоперековались в подобие щита.

И уже благодушный начальник мудро советует набедокурившему подручному: «Объявлю выговорщик, а ты сиди тихо: пронесет!..»

И пронесет.

Так позвольте же высказать наболевшее предложение: пора производить реальную переоценку выговора! Возможно, следует сопровождать выговор непременным лишением премии, а ежели таковой не предвидится — весомым денежным начетом. Вероятно, стоит вспомнить и такие опправдывающие себя меры, как временное понижение в должности, отсрочка в предоставлении квартиры... Но, во всяком случае, пора выбирать из выговора архивную пыль и придать ему повышенное административное обеспечение.

Если же мое предложение будет сочтено незрелым, непродуманным, уводящим в сторону от магистральных задач, что ж, влепите мне выговор. Но только, пожалуйста, в старом масштабе цен.

УЖАСНЫЙ РЕБЕНОК

В воскресенье мы бежали с женой по холодному дождю мимо дома Витьки Кошелева, моего сослуживца. Хороший товарищ, семьянин, член товарищеского суда. Правда, строговат, я бы даже сказал, несколько аскетичен.

— Давай зайдем,— предложил я подруге жизни,— погреемся. Конечно, насчет «маленькой» у него ни-ни, сухой закон, но чайком горячим побалуемся. Зайдем! Вот обрадуется... Он тут недавно даже с обидой какой-то говорил, журил нас: «Что же вы, черти, не заглянете, игнорируете товарища... Нехорошо это, не по-общественному...»

— Неудобно,— стучу зубами от холода, кокетничала жена,— нагрянуть этак экспромтом, не позвонив. И потом мы же не знаем номер его квартиры... Посмотрите, у меня нос не посинел?

— Как синяка,— проскрежетал я, отбивая «ча-ча-ча» на мокром тротуаре. — Бежим. Найдем его в списках жильцов и нагрянем.

Через несколько минут мы стучали и звонили в дверь Витькиной квартиры.

— Кто там?— спросили из-за двери.

— Откройте!— сказал я.— Это друзья Виктора Кошелева.

— Подождите,— отозвался голос,— я стул принесу, а то не достаю. После долгой возни, шебуршания и стука дверь отворилась. Потирая ногу, на детском стуле стоял мальчик лет шести.

— Ну, здравствуй,— сказали мы.— Как тебя зовут?

— Саша,— буркнул мальчик.— Здоровенки булы. Пузырек принесли?

— С микстуркой?— сюсюкнула жена.— С каплями датского короля?

— Ага, с каплями,— сказал мальчик, унося стул.— Сколько же градусов?

— Да градусов восемь,— ответил я, потирая озябшие руки.

— Совсем вода,— крикнул из кухни кошелевский отпрыск.— Я сейчас приду.

Мы вошли в комнату и сели на тахте. Некоторое время спустя появился Саша. Он нес тарелочку с огурцами.

— Вот,—сказал Саша.— Выпьем на нервной почве.

— Как?— несколько опешил я.— Как это на нервной почве?

— Не знаю,— ответил Саша.— А можно еще на базе технического прогресса.

— Скажи-ка,— растерялись мы,— ты сказал: на базе?

— Угу.—Он кивнул головой.— Это когда самогон два раза пропускают через аппарат новой конструкции. Получается отличный первач.— Саша щелкнул себя по горлу тонким указательным пальцем.— Вы посидите, а я пока в солдатики поиграю.

— Давай, давай,— приободрился я.— В солдатики — это очень хорошо...

Мы немного отходили от холода, туманчик в наших головах мало-помалу рассеивался. Саша что-то передавал на маленьком столике, тихо бормоча под нос. Я прислушался.

— Не ходи одна,— произнес Саша громче,— а ходи с провожающей... Раз, два, три. Как же ты ходишь, сучья лапа? С трефей надо ходить, с трефей!

Привстал, я увидел на столике трех оловянных пехотинцев, стоявших на вытканный перед кучками замыганных игральных карт.

— Ты никак пасьянс раскладывашь?— изумился жена.— Где же ты научился?

— Три ха-ха,— продолжало дитя, увлеченное игрой.— Иван Егорыч, ты играешь, старина, как совершенный сапожник. Да-с. И фунт прованского масла.

Мы снова похолодели. Посовещавшись шепотом, мы решили позвонить другим знакомым, жившим неподалеку, и посидеть у них.

— «А на кладбище все спокойненько,—запел Саша, раскладывая карты,— от общественности вдалеке... Все культурненько, все пристайненько...»

Я вздрогнул и, оглядываясь, набрал номер.

— Привет,— сдавленным голосом сказал я.— Это Дмитрин говорит. Можешь к тебе зайти?

— «И закусочка на бугорке!»— страшно закричало дитя.— А я знаю, кем вы работаете. Вы Дмитрин, да? Вы самый первый на работе, да?

— Ну,— откашлялся я, радуясь такому обороту разговора.— Наверное, не первый...

— Первый, первый, первый! Дмитрин — первый аферист в управлении...

Мы опрометью выбежали в переднюю.

— Давить надо таких, как Дмитрин!— донеслось из комнаты.— Зайдите вечерком — дрызанем! Дерабнем!

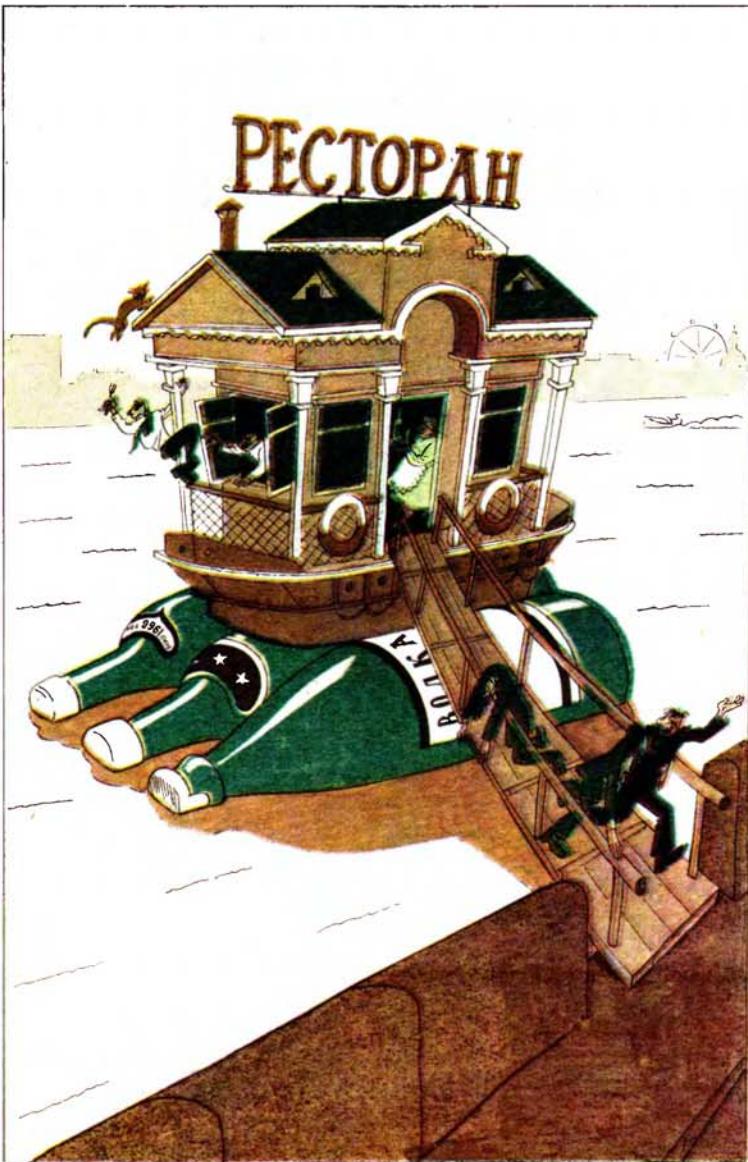
Мы неслись по лестнице, а из квартиры еще слышалось:

— По маленькой, по маленькой, чем поят лошадей...

В подъезд мы чуть не сбили с ног какого-то гражданина. Гражданин расставил широко руки с какими-то свертками и пошел на нас врукопашную, но вдруг остановился, спрятал свертки за спину и сладко сказал:

— Друзья! Ко мне? Благодарю, благодарю. А я вот только с семинара, с лекции в университете культуры. Шел и все думал: вот бы Дмитрины на огонек завернули. Но куда же вы? А? Зайдем. Чайку выпьем. Или партию в шахматы, а? В лото можно...

Я хотел дать ему по зубам, но воздержался. Как-никак общественник, член товарищеского суда. И суров, суров, каналья...



«ПОПЛАВОК».

Рисунок А. КРЫЛОВА

Грехи молодости к старости кажутся добродетелями.

Н. СТАНИЛОВСКИЙ.

Сотня копеечных мыслей рубля не стоит.

А. ЛИГОВ.

Выставка-продажа — это когда одни товары продают, не успевая выставлять, другие выставляют, но не могут продать.

Л. БЕЛАЯ.

Aх, если бы в школе жизни оставляли на второй год!

В. ЛОМАНЫЙ.



Рисунок И. СЕМЕНОВА

Улов рыбнадзора

Свидетельствую, как очевидец: художник И. М. Семенов изобразил все не только смешно, но очень даже достоверно. То есть почти так, как оно было на самом деле. Потому что рисовал Иван Максимович, можно сказать, с натуры.

В городе Уральске мы зашли в областное управление рыбоохраны, чтобы пригласить с нами на зарисовки старшего инспектора товарища Байдалиева.

— А Жолдас Байдалиевич, — сказали нам, — уже выехал на катере вниз по Уралу. Ждем большую рыбу.

Старший инспектор по обращению инженер-ихтиолог. Зимой он печется о том, чтобы судаки и лещи, не дай бог, не остались без кислорода. Летом — в хлопотах о молодом рыбьем поколении. Круглый год до хрипоты бьется он с теми, кто хочет спустить в Урал воюющее озеро, возникшее на оправе Уральска, или иные столь же ароматные отходы — в других местах.

И все-таки самая большая привязанность ихтиолога — это браконьеры. Мы ехали по следам старшего инспектора и ви-

дели стоявшие на приколе моторы браконьеров и живую рыбу, отобранную у них и сданную в магазины рыбкоопа.

Жолдас Байдалиевич на быстроходном катере прошел от Уральска до южной границы своих владений. Мы догнали его за маленькой деревушкой Хорыни. Дальше начиналась Гурьевская область.

В пути следования инспектор рыболовства задержал вдвадцать браконьеров, вышедших встречать «большую рыбу». Среди задержанных оказалось:

банкинцов — 6, председателей областного общества охотников — 1 (персонально Боровко Г. М.).

У браконьеров отобраны десятки сетей, остроги (точка-точка), какие наши художники рисуют в лапах у Крокодила), сотни килограммов жира, судака, воблы.

Однако сами работники рыболовства считают этот улов пустяковым.

— Вот когда пойдут осетровые!..

Этого момента, когда вверх по Уралу начнут подниматься на пересыпь осетр, севрюга, белуга, шип, здесь ждут с нетер-

пением. К нему готовятся всю зиму.

Браконьеры ладят сети, готовят остроги, конопатят лодки, приводят в боевую готовность авто- и мотопары.

Инспектора рыболовства запасаются чистыми бланками протоколов задержания.

Конечно, у инспекторов тоже есть и мотоциклы, и автомобили, и моторные лодки. А катер «Надзор», на котором Жолдас Байдалиевич совершил свой рейд, развивает скорость до 35 километров в час и наводит тоску на чересчур азартных любителей и осетринки.

В период нереста на помощь рыболовам спешат сотни добровольцев из Астрахани, из Архангельска — курсанты школы милиции, студенты. И все-таки...

Браконьер хитер, изобретателен, изворотлив. А на одного инспектора приходится участок реки в сорон километров.

А у реки, как известно, два берега, и на каждом из них у браконьера стоит наготове мотоцикл, инспектор узнает подчас слишком поздно.

Нередко браконьер уходит от возмездия только потому, что инспектор... неправильно офор-

мил протокол. Суд возвращает дело.

— Многие наши инспекторы, — пожаловался тов. Байдалиев, — плохо знают мотор. Малейшая неисправность — и лодка стоит у берега, а мотоцикл — во дворе.

Стало быть, надо на всю катушку использовать зимние, относительно спокойные месяцы. Устраивать для инспекторов обстоятельные курсы, учить их и тому, как починить мотор, и тому, как юридически грамотно оформить протокол задержания для передачи дела в суд. И пусть их учат этому инженеры-механики, судьи и прокуроры. Чтобы браконьер не смог уйти от возмездия.

Урал — одна из немногих наших рек, которую облюбовала для жительства самая ценная из рыб — красная рыба. И, конечно же, мы в состоянии убечь это народное добро от самых осетанелых хищников.

А. СУКОНЦЕВ,
специальный корреспондент
«Крокодила»

Борт катера «Надзор»,
река Урал.

Этот прыжок в голубой океан я совершил по приглашению командира «Ан-2» одного из украинских отрядов сельскохозяйственной авиации Я. А. Залозного. Легкорыльные аэропланы стояли в ряд, трепеща на ветру крыльями, словно бабочки. На таких мне летать не приходилось.

— Ну, который тут ваш корабль? — мужественно спросил я, приготовившись к любым неожиданностям.

— А у меня нет корабля, — ответил Залозный. — Погорел я на бочке...

Бот тебе на! Летал человек на тихоходном «курузнике», сеял с неба гранулированный суперфосфат, селитру и прочую манну небесную. И вдруг выкинул лихую фигуру высшего пилотажа.

— Не на пилотаже я погорел, — махнул рукой Залозный. — На самой обыкновенной бочке. Из-под соленых огурцов!

И тут я услышал историю, которая надолго оторвала меня от земли и вынырнула в объятия пятого океана.

В одном совхозе экипаж самолета героически закончил рассев минеральных удобрений. По такому выдающему поводу решили выпить. Выпили. Мало. Решали добавить. А когда уже не стало чего добавлять, командир корабля Абаев скомандовал слегка заплетающимся языком: «По ко-ням! Самолет взмыл под облака.

Второй пилот Бурахович, авиатехник Юдин и авиаmekhanik Tabunichko принялись обсуждать жгучую проблему насчет добавить. И так увлеклись, что не заметили, как их командир... заблудился. Хоть убей — не найдет свой аэропорт.

Стали сообща искать ориентиры. И заблудились окончательно. Солнце уже садилось, когда авиатехник увидел на земле какую-то бочку.

— Шпирт!!! — радостно завопил он. — Вижу шпирт!

Самолет лихо спикировал на бочку. Трах! Клепки — в одну сторону, лопасти от винта — в другую. А главное, бочка оказалась пустая. Из-под соленых огурцов.

Но никого в аэропорту это приземление на бочку не сбило с привычного жизненного курса. Пока ремонтировался самолет, летчиками платили квартирные и суточные. Начисляли гектары посевов, якобы за сеянные удобрениями. Гектары включали в выполнение плана. За выполнение плана авиаторов стимулировали премиями.

Так бы все и шло своим чередом, тихо-мирно, если бы летчик Залозный не вмешался.

Вместе с командиром звена В. М. Манкевичем они написали обо всем в Министерство гражданской авиации и областной комитет народного контроля.

Их немедленно вызвали в штаб отряда:

— Давайте, соколы, при-

Алексей ГОЛУБ, специальный корреспондент Крокодила



ГЛАВНЫЙ
КОМПЛЕКС
СЕРВИС
НЕДОРОГИЙ



земляйтесь! Отлетались...
— Пусть приземляются те, кто бочку разнес! — воспротивились летчики.

— Это не ваша забота!

Проработавшие в авиации более двадцати лет хорошие летчики срочно стали плохими. Герой Советского Союза В. М. Манкевич вдруг оказался никудышным командиром звена. Ударник коммунистического труда

Я. А. Залозный — никчемным авиатором. И оба вместе — клеветники областного масштаба.

Герой Советского Союза потребовал сатисфакции. Он подал командиру объединенного авиаотряда А. П. Овечкину рапорт о том, что не считает для себя возможным работать в авиаотряде, где творятся такие безобразия.

А товарищ Овечкин вызова не принял. Привычным движением он извлек из кармана шариковую авторучку и философски начертал на уголке рапорта бисерным почерком: «Не возражаю». И перешел к текущим делам.

А заняться ему было чем. На его письменном столе как раз появился приказ № 273 по Украинскому управлению гражданской авиации. Приземление на бочку при проверке подтвердилось. В приказе повторялось все то, что писал Манкевич, и даже более решительно: «ложь, обман и очковательство», «круговая порука и беспричинное отношение к нарушителям дисциплины».

— Ах, так!..

Овечкин привычным движением повернул рычажок селектора. Его слегка звонивший голос зазвучал в репродукторе на стоя у юрисконсульту.

— Итак, Манкевич на земле. А где Залозный?

— Сдал экзамены на «отлично» и полетел борьться с долгоносиком!

— Инвалид войны, пенсии получает, а летает! Нет ли здесь махинаций? Может быть, Залозный во все и не Залозный? А? Ранено на фронте одного, а летает другой?! Подготовьте-ка письмо в областную прокуратуру...

Ответ областной прокуратуры не обрадовал командира отряда: Залозный пенсию получает законно, допуск к летной работе входит в компетенцию врача.

— Бюрократы! — отчеканил Овечкин. — Найдем и на них управу. Есть еще прокуратура Республики!

Но прокуроры как сговорились. Из Киева ответили: «...нет оснований для предъявления каких-либо претензий к Я. А. Залозному и комиссиям, дававшим заключения».

— Чинодраль! — выразился командир отряда.

И, может быть, добавил бы что-нибудь покрепче, но тут понесли постановление областного комитета народного контроля о недостатках при проведении авиационно-химических работ в колхозах и совхозах. Письмо летчиков в народный контроль также подтвердились. Комитет объявил Овечкину строгий выговор.

Две недели в служебных кабинетах аэропорта было тихо, как на свекловичных грядках. А затем на столе юрисконсульту вновь щелкнул репродуктор.

— Пора позаботиться о здоровье Залозного, — про-

звучал голос командира. — Что? Не жалуется? Подготовьте описание всех болезней, на которые он не жалуется.

И в то время, когда летчик Залозный бодро сеял с неба гранулированный суперфосфат, в Министерство гражданской авиации поступила депеша. В ней перечислялись всевозможные недуги, какие только можно почеснуть из популярного учебника медицины, — от бессонницы до колик в животе включительно. Заканчивалась депеша небольшой, но трогательной просьбой: «Прошу Вашего указания о пересмотре решения ЦВЛЭК о годности тов. Залозного Я. А. к летной работе».

Легко сказать! А где взять такое указание, чтобы здоровый стал больным?

Врачи ЦВЛЭК (Центральной врачебно-летной экспертной комиссии) сделали, конечно, что могли. Залозного месяц держали в больнице, сажали в барокамеры, вертели на врашающемся стуле и даже вошли к знаменитым московским психиатрам. Но и врачи оказались такими же завзывтыми бюрократами, как и работники прокуратуры. Они вновь подтвердили свое заключение: «Годен к летной работе».

И сегодня бы летчик Залозный сел с неба минеральные удобрения, атаковал сельскохозяйственных вредителей, если бы начальник медико-санитарного управления министерства А. И. Кравцов не поддернул за болтового командира отряда. Он дополнил существующие правила и законоположения собственными распоряжениями, после чего в медицинском деле летчика появилась новая запись: «Негоден к летной работе согласно указанию начальника МСУ МГА, как имеющий инвалидность третьей группы». Так бескрайний голубой океан стал для Залозного небом с овчинку.

...Два месяца я курсировал по кабинетам малых и больших авиационных начальников. Собрал тома документов, имел множество более и менее впечатляющих встреч. Но особенно мне запомнился визит к заместителю командира отряда по политчасти О. В. Бойко.

— Вы, конечно, по жалобе Манкевича и Залозного, — предупредительно сказал замполит. — Ну что ж, ознакомьтесь с обзорными справочками на того и на другого...

Он протянул мне два документа по десять страниц в каждом. Составлены они были старательно, с любовью к делу. Сперва в них перечислялись все возможные и подозреваемые прегрешения. И, наконец, скрупулезная запись устных выскаживаний. Где, что и о ком говорили летчики-смутьяны и кто, что и где говорил о летчиках.

Раскрыли я сборники этих компрометирующих документов (компроматов, как это называлось когда-то), и на меня повеяло чем-то таким странным и затхлым...

— И на основании этих досье вы отстранили летчиков от работы? — спросил я.

— Ни в коем случае! — горячо запротестовал Бойко. — Это мы позднее составили. Ну, для удобства, что ли... А Манкевича никто не отстранил. Он уволился по собственному желанию. Залозный же, помимо прочего, еще и клептоманический страдает. Похищает документы...

— Какие же документы он похитил?

— Конкретно я, конечно, не могу назвать, какие именно. Но совершенно точно знаю, что он это иногда делает... А однажды даже чуть было не выдал себя за прокурора. По телефону. Правда, точно не установлено, куда звонил и он ли звонил. Но, говорят, звонил...

И дальше все на таком же уровне и с такой же убедительнейшей аргументацией...

Заканчивая путешествие в голубую державу, я посетил начальника политуправления министерства Г. Ф. Безбородова.

— Случай совершенно ясный, — сразу же перешел к делу начальник политуправления. — Залозный — инвалид войны. А инвалиду мы летать не разрешим. Проводим на пенсию, с премией проводим...

— Летчик Залозный прослужил в гражданской авиации двадцать лет. О том, что он инвалид, вспомнили только тогда, когда он выступил с разоблачением безобразий. Не кажется ли вам странным такое совпадение?

Безбородов поднял указательный палец и повертел им перед моим носом.

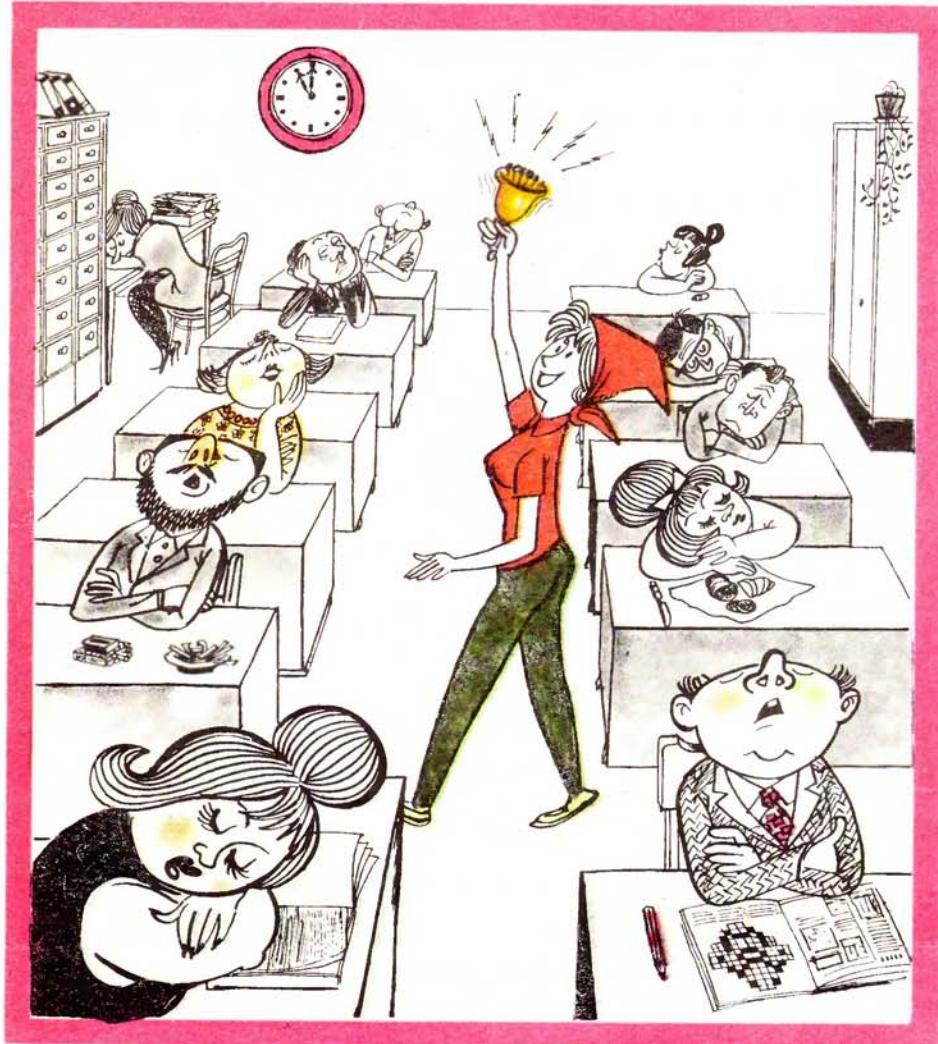
— Вы ту не увязывайтесь..

Вернувшись в редакцию, я узнал, что на меня уже поступила жалоба. Заместитель командира авиаотряда О. Бойко, секретарь парткома А. Хулап и председатель месткома А. Безверхий просили ни в чем мне не верить.

Прием известный! Кандидаты в фельетонные герои частенько шлют фельетонистам вдогонку вот такие послания, наивно полагая, что тем самым скомпрометируют автора и отведут огонь от себя. Но в отличие от прочих подобных посланий это содержало еще и просьбу «оградить коллектив и его руководителей от некомпетентных вмешательств».

Оказывается, в представлении некоторых руководящих авиаторов любой человек, не имеющий на рукавах золотых нашивок, — это некомпетентная личность, неспособная отличить бочонок со спиртом от пустой бочки из под огурцов...

Киев — Москва.



— На производственную гимнастику просыпайся!

Рисунок Б. САВКОВА

Александр и Лев ШАРГОРОДСКИЕ

Полтора миллиметра

Прыгнул я в высоту. Ну, в общем, довольно высоко. На полтора миллиметра выше рекорда.

Наутро приходит писатель.

— Роман написал. Где просчеты — в форме или в содержании? Покритикуйте!

— Простите, — говорю, — я спортсмен и к лите...

— Знаю, знаю. Но ваша известность!

Оставил рукопись и ушел.

Днем звонок. На пороге — изобретатель.

— Машинка моя простая, щелкает орешки. Но хотелось бы знать ваше мнение. По конструкции, по электронике.

— Простите, — говорю, — я спортсмен и к маши...

— Понимаю. Но ваша слава! Очень прошу.

Оставил машинку и ушел.

Вечером заглянул композитор-песенник.

— Песня свежая. Только что из-под ро-

яля. Посоветуйте, что исправить.

— Спортсмен я и к музы...

— Знаю, знаю. Но ваше имя!

Оставил листки и убежал.

Назавтра — встреча с физиками.

— Что скажете о новом синхрофазотро-

не?

— Не знаю, товарищи, я ведь в высоту

прыгаю.

— Так оттуда же виднее!

И так изо дня в день. И нужно мне бы-

ло эту высоту брать! Хоть обратно пры-

гай. А как?

Призывают диссертации на рецензию, пьесы на отзыв, переводы с санскрита на

редактирование.

И вдруг — тишина. Ни писем, ни посети-

телей, ни встреч. Что такое?

Разворачиваю газету и вижу: Мишка

прыгнул выше меня на полтора миллимет-

ра. Звоню ему.

— Поздравляю, — говорю, — с рекордом!

— Спасибо, — отвечает, — но некогда тут с тобой. Мне еще одному скрипачу, двум

биологам и трем гомеопатам ответить на-

до.

Пожалел я его. А потом сел мемуары

писать. Вчера закончил. Сегодня Мишке на

рецензию отоспал.

г. Ленинград.

Александр ИВАНОВ

ШАРГОРОДСКИЕ ПРОСТОДУШНЫЕ

Март простодушный

[Булат Окуджава]

Собирайтесь, фехтовальщики, боксеры,
теннисисты,
велогонщики, жокеи —
все, кто сердцем юн и чист!
Разобъемся мы на пары:
с шахматистом шахматистка,
с теннисистом теннисистка,
с фигуристкой фигурист.
Мы куда-нибудь отправимся,
далеко или близко,
по дороге напевая
летку-енку или твист.
А потом перемешаемся:
с боксером фигуристка,
с футболистом акробатка,
с теннисисткой шахматист.
Не пираты, не злодеи,
не сектанты-адвентисты,
на успех и одобренье
мы имеем верный шанс.
Мы споем и потанцуем,
как и свойственно артистам,
а потом объединимся
и сыграем в преферанс!

Баллада о левом полузащитнике

[Евгений Евтушенко]

Устав от болтовни
и безыдейности,
 заняться я хочу
полезной деятельностью,
в работу окунувшийся
по щиколотку,
я в левые иду
полузашитники.
Что б ни болтали
шкурники и лодыри,
в команде нашей
стал я первым номером!

Я получаю мяч. Бегу.
Мне некогда,
тем более,
что пасовать мне некому,
а если бы и было —
на-кась, выкуси! —
я сам хочу
финты красиво выполнить.
И вот уже
защита проворонила,
и я уже возник
перед воротами,
вопят трибуны —
мальчики и девочки, —

и мне вратарь
глазами знаки делает...
Я бью с размаху
в правый верхний угол.

Бросок! Вратарь
летит на землю пугалом,
но где уж там...
Удар неотразимый!
Как материт меня
вратарь-разиня!

Я оглушен
команды нашей криками,
и тренер
как-то очень странно кривится,
и голос информатора
противный:
«Счет 0:1».
Ликует... наш противник,
и по трибунам
ходят волны ропота.
Ах, черт возьми,
я бил в свои ворота!
И сам себе я
повторяю шепотом:
«А что потом,
а что потом, —
а что потом?..»

Этот удивительный

мистер Термонд



Позвольте представить: Стром Термонд, сенатор-республиканец от штата Южная Каролина.

Господин сенатор — совершенно удивительный человек. Несмотря на свои почтенные годы — ему под семьдесят, — он любит по-ражать друзей и почитателей своей физической ловкостью. С легким кръжением он становится на голову и, слегка балансируя ногами для равновесия, пребывает в этой позе несколько минут. Таким образом господин сенатор сразу дает понять, что у него крепкая голова и что он умеет сохранять равновесие, столь необходимое для опытного политического деятеля. К тому же у мистера Термонда довольно крепкие бицепсы. Лет пять назад он сумел бросить на пол сената — бросить в прямом смысле этого слова — своего куда более молодого и неизмеримо более либерального коллегу Ральфа Ярборо.

Совершенно очевидно, что, отликаясь столь выдающимися качествами, мистер Термонд мог смело рассчитывать на незаурядную политическую карьеру. Однако крепкоголовый каролинец обладает еще и другими талантами, которые делают его поистине необыкновенным человеком. Дело в том, что голова мистера Термонда хороша не только для стойки на ней: в его голове рождаются мысли, от которых сильнееются сердца расистов и слезы умиления навертываются на глаза самых закоренелых реакционеров.

ров.

Сенатор Термонд был членом демократической партии, пытался организовать свою собственную партию, перешел в стан республиканцев. Тем не менее его принципиальность ни у кого не вызывает сомнений.

Это он постоянно требует дальнейшей эскалации войны во Вьетнаме. Это он убеждает передать атомное оружие Западной Германии, «которая слышит, как и мы». Это он в расистском эзатсе сумел побить рекорд флибустьерства в сенате, установленный еще в 30-х годах незабвенным мракобесом Хью Лонгман, проговорив без перерыва 24 часа 18 минут. Целью этого риторического гангстеризма было пропалывать законопроект о введении совместного обучения белых и черных детей. Однако, хотя диверсия Термонда окончилась неудачей, он сискдал новые лавры. «Помилуйте, это же просто чудо! Мало того, что умеет стоять на голове, он еще и говорит умеет!» — умилялись поклонники каролинца.

Это он везде и всюду твердит, что страна опутана коварной сетью жуткого коммунистического заговора и что многие видные американцы, сами того не ведая, попали в эти сети, как кролик в силки, став предателями американского образа жизни. Термонд уличил в «связях с коммунизмом» даже бывшего президента Линкольна Джонсона.

на Джонсона...

Теперь судите сами: человек умеет стоять на голове, кидает либеральные сенаторов на обе лопатки, умеет говорить сутки без остановки, разнюхал «коммунистический заговор»... Это не рядовой политический деятель, это мессия реакции, апостол мракобесия, певец, перед которым преклоняют колена его умилленных единомышленников.

Мистер Термонд отлично сознает, что таких, как он, крепкоголовых титанов даже глухое провинциальное болото расистского Юга рождает крайне редко. Поэтому он ревностно следит за состоянием своего здоровья. Он самым тщательным образом сохраняет себя для истории. Его утренняя зарядка изобилует весьма сложными упражнениями. Затем он кушает, вернее, принимает пищу. По утрам, например, он завтракает кашкой с орехами, богатыми протеином. Мистер Термонд не только не пьет спиртного — даже чая или кофе он не потребляет. В его рационе только соки. В перерывах между заседаниями сената он удаляется в кабинет, где скретчено упражняется со штангой. Он должен быть всегда в хорошей спортивной форме, чтобы сокрушить очередного либерала.

Мистер Термонд не расстается с зубной щеткой. После каждого приема пищи он засовывает щетку в рот и равномерными движениями очищает зубы и десны. Таким образом сенатор добивается полного исчезновения запаха.

Тем не менее запах есть. И довольно сильный. От мистера Термонда за версту несет зловонием мракобесия и антисоветизма.



Рисунок В. ТИЛЬМАНА

АГЕНТСТВО
ТАК
АГЕНТСТВО

АГЕНТСТВО
ТАК
АГЕНТСТВО

БОНН. Газета «Дн вельт» недавно занялась подсчетом бездомных, число которых в ФРГ дошло до полумиллиона. Вот одно из описаний гамбургских пригородов:

«С трудом верится, что здесь ютятся почти шесть тысяч человек. Ветхие лачуги со странными, бесформенными пристройками из старых ящиков, грязь, зловоние».

Однако не следует думать, что о бездомных не заботятся. Например, главный административный суд в Минстерье после долгой и кропотливой работы смог дать точное определение, когда человек не имеет над головой крыши и вынужден проводить круглые

Это ли не помощь бездомным, статус которых отныне приобрел юридическую силу?

приобрел юридическую силу?

В нескольких городах в про-
даже имеется книга под назва-
нием «Указания относительно
попечения о бездомных».

В Кельне создано «Бюро по ликвидации жилищной нужды», в штате которого насчитывается сто шестьдесят чиновников. Количество бездомных в городе пока еще не сократилось, но зато все сто шестьдесят служащих бюро получают вполне приличную зарплату...

МАЯМИ (США). Стремясь повысить уровень религиозного благочестия у заключенных, администрация местной тюрьмы объявила, что отныне наряду с посещением богослужения в тюремной церкви арестант сокращает на один день срок своего пребывания в заключении. Как и следовало ожидать, религиозные чувства заключенных резко усилились.

ЦЮРИХ. Швейцарский ежедневник «Вельтхое» приводит шутку, имеющую хождение в Испании: француз, американец и испанец беседуют об успехах хирургии. Француз заявляет: «Наши врачи научились пересаживать сердце за два часа». Американец: «Наши специалисты делают то же самое за один час». Испанец говорит: «А у нас требуется восемь часов, чтобы удалить один зуб. Почему? Потому что из-за чрезвычайных законов все боятся открыть рот».

* * *

ЛОНДОН. В наше время, оказывается, можно купить целое королевство, и причем не очень дорого: всего за 240 тысяч фунтов стерлингов. Продается остров Лэндси в Бристольском заливе. Он считается независимым королевством и был таинственным начинанием с двенадцатого века. Остров Лэндси расположен в 11 милях от юго-западного побережья Англии, его население десять человек. В королевстве нет ни машин, ни телефонов, ни людей. Владельцы Лэнди — миссис Рут Харманд-Джоунс и миссис Диана Кист пришли к выводу, что содержание этого омывающего водами Атлантиды владения им просто не по карману...

Буду петь святую мужскую дружбу.

Для нее нет препятствий ни на земле, ни в воздухе. Не помеха ей ни дождь, ни стужа, ни финансовые инспекторы. И хотелось бы, чтобы все нижеописанное явилось положительным примером, подтверждающим лучезарность этого достойного и бескорыстного чувства.

Город Йошкар-Ола.

Два ведущих деятеля культуры республики: директор музыкально-драматического театра Виталий Николаевич Краев и главный режиссер музыкальной труппы того же театра Роман Александрович Розенберг. Закадычные друзья, соратники, побратимы на ниве искусства.

Не раз, засидевшись допоздна за стаканом доброго коньяка, приятели хозяйств обсуждали перспективы культурного развития родного театра, города, страны. И никогда, никогда творческий путь режиссера не пресекался административным шлагбаумом директора театра. Нет, восхищаясь громадьем планов Розенberга, Краев нашел смысл жизни в том, чтобы оказывать другу всестороннюю, всемерную помощь.

И поэтому был в порядке вещей состоявшийся осенью минувшего высокосного года телефонный разговор Краева с директором городского комиссионного магазина В. Ф. Викторовой.

— Знаете, товарищ Викторова, — сказал Краев, — хочется нам приступить к постановке популярных опер «Царская невеста», «Пиковая дама» и «Евгений Онегин». У вас, надеюсь, есть в продаже партитуры этих опер?

— Ох, — простодушно ответила Викторова, — ноты к нам поступают очень слабо, даже, можно сказать, вовсе не бывает их. Может, вас заинтересуют кофточки или рижские стулья?

— Был тут у меня один человечек, — сказал Виталий Николаевич. — Предлагал эти партитуры. Ну так я его к вам направил. А вы уж не зевайте: как только он выложит ноты, хватайте, не задумываясь. Мы тут же переведем деньги.

Директор магазина засомневалась:

— Не приходилось мне заниматься нотами, и ценника на них у меня нету.

— Это вас меньше всего должно беспокоить, — заверил Краев. — Много, конечно, ему не давайте. Ска-

Святослав СПАССКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

Милый друг

жем, он запросит за три партитуры две тысячи рублей. Обойдется. Оцените ноты что-нибудь в тысячу девятьсот сорок, и нас вы обяжете чрезвычайно.

Тут сомнения Викторовой обернулись самым натуральным испугом.

— Две тысячи? — переспросила она, обмякнув.

— Уникальная вещь, — скорбя, подтвердил Краев, — выполненная рукописным методом. Откажетесь — сорвете планы театра, чем огорчите Министерство культуры РСФСР.

Симпатизируя далекому, но легко ранимому министерству, Викторова заверила собеседника, что сделает все от нее зависящее, чтобы не нарушить стройного графика прохождения спектаклей в театре.

В тот же день перед Викторовой предстал скромный мужчина средних лет. Три тома в голубых карточных переплетах легли на скрипучий стол директора магазина.

— Оперы?

— Партитуры, — подтвердил пришелец. — Две тысячи.

— Тысяча девятьсот сорок, — твердо сказала Викторова.

Клиент торопливо кивнул:

— Пейте мою кровь, согласен.

— Фамилия? — спросила Викторова, оформляя покупку.

— Хоть фамилия моя и Розенберг, — ответил нотовладелец, — однако прошу вас не сообщать ее работникам театра, если понтересуетесь. Я не хочу, чтобы знатоки-меломаны смеялись над балбесом, буквально за гроши уступившим вам эти шедевры древней письменности.

Он ушел. Но директор магазина опять засомневалась. Она кинулась в музыкальное училище с просьбой прислать специалиста для оценки нот. Таковой не заставил себя ждать. Это был молодой, невысокий брю-

нет, на вид довольно смешленный.

— Пятьдесят рублей, — уверенно сказал он, взглянув на партитуры.

— Только? А может быть, пятьсот? — взмолилась Викторова. — Говорят, от руки написаны ноты и, по всему видать, старинные. Ни титульные листы не сохранились, ни последние страницы.

Эксперт наугад раскрыл одну из книг, поковырял ногтем горбатенький значок ферматы и быстро согласился:

— Может, и пятьсот.

— А если две тысячи?

Покладистый брюнет и тут не стал возражать.

— Может, и две.

И покинул магазин, не теряя до-
сточника.

Юноша Петя Васютин, оркестрант и по совместительству библиотекарь театра, жизнь с изнанки еще видеть не привык, поэтому рассказывал предельно изумленно:

— Думаю: как же я на такую сумму нот притараню! Иду просить грузовик у Краева. А он вынимает из кармана сетку-авоську: на, мол, в ней и принесешь, не забудь вернуть только. Точно: все три тома ней и поместились. В чем же, думаю, ценность этих экземпляров? Понять трудно: первые и последние листы с корнем выдраны — значит, ни тогда издания, ни цены не прочтешь. Уж потом установили: в 1948 году эти ноты отпечатаны. А тогда я очень удивился, и все рассматривал книги, и вертел их так и эдак, и даже понюхал.

Запах Петя по молодости определить не смог. А пахли книги аферой.

К вечеру, прия домой, Розенберг вступил в спор с незримым оппонентом, который сидел у него где-

то в печенках и время от времени упрекал:

— Как же ты, Роман Александрович? Согласовал ли ты свои действия с моральным кодексом?

— Предвижу, — морщился Роман Александрович, — сейчас начнутся долгие разговоры о неэтичности моего поступка. Хорошо, действительно, я мог бы партитуры просто так дать театру на время. Но, спрашивается, зачем? Ведь если мы и будем ставить что-то новое, там разве только «Онегина», и то не скоро. Кстати, точно такие же партитуры театр мог бы получить в библиотеке музыкального училища, и притом совсем уж даром.

— Да, — сказал внутренний голос, — а между прочим, настоящая продажная цена этих нот тридцать девять рублей шестьдесят девять копеек. И тебе это хорошо известно.

— Почему никто не хочет меня понять? — взгрустнул Розенберг. — Ведь эти партитуры мне очень дороги, как память об отце. Не могу я их продавать за тридцать девять рублей.

— Но получается, что ты продал ноты сам себе. А деньги взял с государства.

— Государству эти деньги вернутся немедленно. Не буду же я их укладывать в кованую кубышку и зарывать под раскидистой сосной!

— Что же ты с ними собираешься делать?

Лицо Романа Александровича подернулось мечтательной дымкой. Он посмотрел в окно. За окном плыл ясный месяц.

— Подмораживает, — вздохнул режиссер. — А с деньгами я решил вот что. Куплю себе камертон и маленькую гармонику концертно.

Сомневаясь, он помолчал. Потом добавил более решительно:

— Но не исключено, что пропью. С милым другом Виталием Николаевичем. Это у нас с ним такое давнишнее хобби. Любим мы выпить, а наличных иной раз и не хватает. Вот и приходится выкручиваться. Как это там у Германа: «Ловите миг удачи!..» Люблю «Пиковую даму». И расстаюсь с ней очень нелегко, нет...

г. Йошкар-Ола.

ПОПРАВКА

В ОБЪЯВЛЕНИИ, ПОМЕЩЕННОМ НА 3-Й СТРАНИЦЕ, ЗАМЕЧЕНА ОПЕЧАТКА. ШЕСТЬЮ СТРОЧКУ СВЕРХУ СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ: «НЕ СОСТОЯТСЯ».

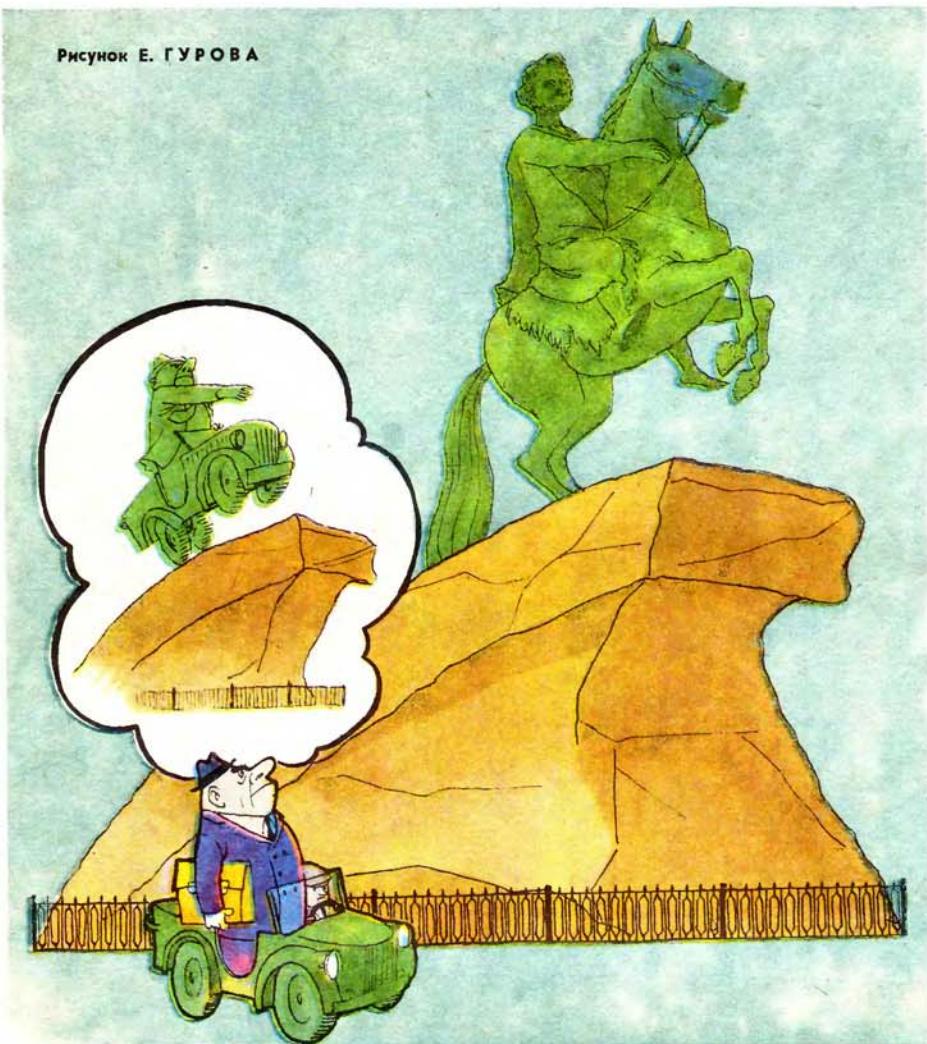


— Купите, не пожалеете!



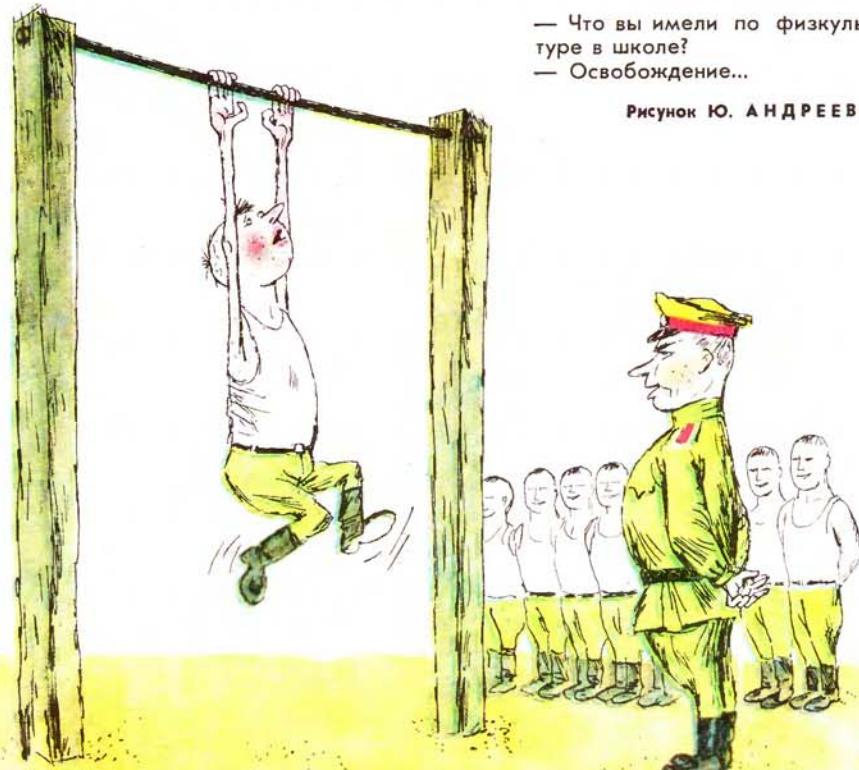
Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Рисунок Е. ГУРОВА



— Что вы имели по физкультуре в школе?
— Освобождение...

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА



Владимир МАСС

Я СЕЙЧАС!

РАССКАЗ

Лентяи бывают разные. Есть просто лентяи, и есть лентяи мятущиеся.

Как и все бездельники, мятущиеся лентяи не делают ничего, но при этом убеждены и любят убеждать других, что работают за десетых.

Они бегают, волныются, постоянно на кого-то негодуют, на что-то жалуются и, надо отдать им справедливость, от всей этой огромной затраты физических сил действительно устают не на шутку.

Ни один работяга не изматывает себя так, как эта мятущаяся разновидность бездельников.

Касулин принадлежал именно к этой разновидности.

Однажды мне понадобилось дать приезжему товарищу доверенность на получение причитающихся мне денег.

Я написал доверенность, заверил подпись. Оставалось поставить печать. Печать находилась у Касулина. Касулин находился при исполнении служебных обязанностей. Я отправился к Касулину.

Ползая на четвереньках, Касулин что-то лихорадочно искал под столом и в корзине для бумаг.

— Паша, будь друг, приложи печать, — попросил я, заглядывая под стол и протягивая ему доверенность. Я уже заходил к тебе часа два назад, но ты, очевидно, был занят, сказал: «Я сейчас!» — и куда-то скрылся... Так вот я опять к тебе...

— Ах да, печать?.. Забыл, прости! — извинился Касулин, вылезая из-под стола и опускаясь в кресло. — Столько, понимаешь, дел, что голова кругом идет... Ведь у нас, сам знаешь как: никто ничего не делает... Все только суетятся да языки чешут... Приходится одному отдуваться! А у меня такой, понимаешь, проклятый характер — не могу! Раз взялся — надо сделать. А дел, сам видишь... Тут — то, там — это... Без меня ведь никто ни шагу!.. Да, что-то мне еще надо было... Погоди, я сейчас!..

Касулин вскочил, схватил портфель и выбежал из комнаты.

Я остался ждать. Прошел час.

Касулин вернулся, едва переводя дух.

— А, привет! — обрадовался он, пожимая мне руку, как будто видел меня в этом году впервые. — Ты ко мне?

— Ты просил меня подождать...

— Тыфу! — воскликнул Касулин. — Совсем забыл! Я сейчас!.. Тут, понимаешь, черт ногу сломит... А я один!.. Все требуют, рвут, понимаешь, на части... Измотали совсем! Без меня ведь никто ничего... Я даже не присел с утра, честное слово... Запарка... Работы навалилось не продохнешь!.. Что-то мне еще нужно было? Ах да, погоди, я сейчас!..

Он снова сорвался с места и убежал.

Прошло еще полчаса.

Касулин вбежал ошалелый. Он тяжело дышал, растирая ладонями лицо и ероша волосы, как это делают люди, предельно утомленные, желая прогнать усталость и взбодриться.

Меня он заметил не сразу.

— Паша, — сказал я. — Полтора часа я жду, чтобы...

— Ах да, прости, ради бога прости! — спохватился Касулин. — Давай-ка свою бумажку. Я сейчас!.. Закружился, понимаешь... Обо всем, ведь самому приходится думать... А тебе, как нарочно, создают такие условия, что сил никаких нет... Говоришь, предупреждаешь, доказываешь, ругаешься, а, глядишь, того нет, этого нет... Вот ты и попробуй что-нибудь сделать... В работе четкость, понимаешь, нужна, порядок... А у нас тут... Куда это я свой портфель задевал?.. Ради бога прости...

Он автоматически сунул мою бумажку в карман, сказал: «Я сейчас!» — и выбежал из комнаты.

МОЯ РЕКЛАМА

ПРИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ
ИМЕЮТСЯ КУРСЫ ВЗАНИЯ БЕЗ ОТРЫВА ОТ ПРОИЗ-
ВОДСТВА.



УПРАВЛЕНИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТРЕБУЕТ-
СЯ СПЕЦИАЛИСТ ПО ВООБЩЕВОДСТВУ.



ПРОДАЕТСЯ КОТ В ПРОЗРАЧНОМ МЕШКЕ.



БЮРО ДОБРЫХ УСЛУГ ПРИГЛАШАЕТ НА ПО-
СТОЯННУЮ РАБОТУ МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ ПЕР-
ВОГО РАЗРЯДА.

ПОКУПАЙТЕ



МОТОЦИКЛЕТНЫЕ ШЛЕМЫ!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

РАЗВОДИТЕ



ДЕКОРАТИВНЫЕ РАСТЕНИЯ

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

ЗАЯВКИ НА ЗАПЧАСТИ К ВЕЧНЫМ ДВИГАТЕЛЯМ
И МОТОЦИКЛАМ ПОСЫЛТОРГ НЕ ПРИНИМАЕТ.



ПРЕДПРИЯТИЮ ТРЕБУЮТСЯ ФУТБОЛИСТЫ.



ГРАЖДАНЕ ПАССАЖИРЫ! СТОИМОСТЬ ПРОЕЗДА
В АВТОБУСЕ 5 КОПЕЕК ИЛИ 10 ПУГОВИЦ.



НЕ ИЗОБРЕТАЙТЕ ВЕЛОСИПЕДОВ! ПОКУПАЙТЕ
ЛОТЕРЕЙНЫЕ БИЛЕТЫ!



Ученая собачка вызывала всеобщее восхищение, так как она великолепно играла в покер. Но ее хозяин не разделял этого восхищения.

— Мне стыдно за нее, — объяснил он. — Она не может ни мешанивать, ни скрывать своих чувств. Каждый раз, когда у нее на руках оказываются хорошие карты, она виляет хвостиком...

— Скажи, — спрашивал строгий отец свою 17-летнюю дочь, — он угрожал тебе, прежде чем ты позволила себе поцеловать?

— Да, папа, он пригрозил мне, что если я крикну, он никогда больше меня не поцелует!

Мадам Бенуа настаивала, чтобы ей повысили зарплату. Но директор был недоволен.

— Видите ли, мадам Бенуа, вот, например, счетовод Морель из бухгалтерии является отцом пяти детей, а денег получает не больше, чем вы!

— А я думала, что на начальстве платят за то, что мы делаем здесь, а не за то, что мы делаем дома...

Маленький Коля говорит своему приятелю:

— Васька говорит, что у него была пра-пра-прабабушка.

— Он просто занимается.

Два мудреца поспорили о том, кого можно назвать дураком.

— Дурак, — сказал первый, — это человек, который выражает свои мысли так, что другие его не понимают. Ты понял меня?

— Нет, — ответил собеседник.

Шофер такси недовольным голосом заметил выходивших из его машины пассажиров:

— Пятнадцать центов, которые вы дали мне на чай, я рассматриваю как оскорбление.

— О, неужели? А сколько же следовало дать?

— По меньшей мере еще пятнадцать центов.

— Друг мой, — ответила пассажирка, — поверьте, я не решусь оскорбить вас дважды!

Звонок. Муж открывает дверь и видит соседку.

— К сожалению, жены нет дома, — говорит он. — Если вы принесли какую-нибудь новую сплетню, я могу ей передать!

Герберт КЕМОКЛИДЗЕ

РАССКАЗ



В поезде дальнего следования моим соседом оказался чернявый низкорослый холерик. Он долго теребил в руках газету, потом нервически перебросил ее мне и сказал:

— Вы только почитайте — смех да и только.

Я посмотрел, куда он ткнул пальцем, и солидно спросил, поглаживая свой животик:

— И что же вы находите в этом смешном?

— Нет, вы только посмотрите! — восхлипал он и прочитал вслух, что в Москве открывается симпозиум ученых, занимающихся изучением тайн человеческой памяти.

— К вашему сведению, — сказал я с гордостью, — я как раз еду на этот симпозиум, чтобы выступить с докладом.

Чернявый даже подпрыгнул от возмущения.

— Так, значит, вы теоретик? — злорадно спросил он.

— Да, — с достоинством ответил я.

— Так вот, — сказал он, — я в грош не ставлю все ваши теории.

— А кто вы, собственно, та-

кой? — снисходительно улыбнувшись, поинтересовался я.

Чернявый вскочил, попросил у кого-то из пассажиров книжку, открыл ее наугад, пробежал глазами по строкам, передал книжку мне и прочитал всю страницу наизусть.

— Довольны? — спросил он с ухмылкой.

— Ничего особенного. Хорошая механическая память, — определил я преспокойно.

— Не просто хорошая, а редкостная, — возразил он самодовольно. — Я выступаю на сцене, демонстрируя свою память. И мне есть чем похвастаться. Я на деле показываю возможности человека. А вы тем временем занимаетесь никому не нужным теоретизированием.

— Ну уж так прямо и ненужным, — хладнокровно произнес я.

— Да, ненужным, — повторил он, хлопнув ладонью себя по коленке. — Ну скажите, сможете ли вы, прочитав эту страницу, запомнить хоть один абзац?

Мне пришлось указать чернявому его шесток.

— Многоуважаемый оппо-

нент, — сказал я ему со вздохом сожаления, — да мне это совсем ни к чему. Теория призвана уходить в глубину, находить предпосылки для развития практики. Теория, дорогой мой, разрабатывает принципы, основоположения, концепции...

— Вы, кажется, собираетесь прочитать мне свой доклад, — саркастически заметил чернявый. — Лучше скажите, лично вам теория дала что-нибудь практическое?

— Несомненно, — ответил я. — Она способствовала дисциплинизации моей памяти. Пусть механическая память у меня не так развита, но зато я никогда не упущу главное. Между прочим, вы, наверное, только притворялись, что не интересуетесь симпозиумом. Я начинаю вспоминать, что видел в городе афиши с вашим портретом. Сегодня ведь у вас последнее выступление, а вы отменили его и едете в Москву.

— Простите, — едко улыбнулся чернявый, — у меня вчера было последнее выступление. Сегодня шестое число.

— Простите, сегодня пятое число, — ответил я и показал ему сегодняшнюю газету.

Чернявый схватился одной рукой за голову, а другой за чемодан.

— Проклятый склероз! — закричал он. — Ведь все билеты проданы! Скандал!

— Не беспокойтесь, — стал я его успокаивать, — выйдете на ближайшей остановке и сядете на встречный поезд.

Продолжая говорить утешительные слова, я проводил его до тамбура. Он сошел на каком-то глухом полустанке.

В Москве я первым делом побежал на телеграф и дал «молнию» жене: «Забыл дома доклад гибнувшему проводником первого вагона вечернего поезда».

г. Ярославль.



Рисунок Н. КАЛИТИНА

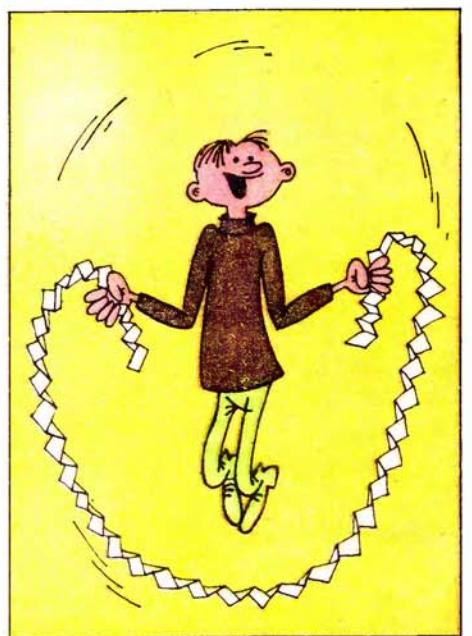


Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

ПАМЯТИ ДРУГА



Скончался Сергей Александрович Швецов.

Глубокой скорбью отзовется эта весть в сердцах всех, кому дороги лучшие традиции советской сатиры. Замечательный поэт, доброжелательный и взыскательный наставник, давший путевку в литературную жизнь многим ныне уже маститым журналистам и писателям, сердечный, чуткий, искренний человек — таким останется Сергей Александрович в нашей памяти.

Весь жизненный путь С. А. Швецова был безраздельно отдан служению советской литературе. Закончив московский рабфак искусства в 1931 году, он редактирует отделы поэзии в журналах «Рост» и «Красная новь». В годы Великой Отечественной войны работает корреспондентом армянской газеты «Разгромим врага». С 1946 года творческая деятельность С. А. Швецова была неразрывно связана с «Крокодилом». Работая заместителем главного редактора, а затем главным редактором журнала [1953—1958 гг.], он отдает все силы «дальнему и художественному воспитанию молодых сатириков».

До последних дней жизни он оставался активным автором журнала. Стихотворный фельетон, элиграмма, пародия, басня, частушка — во всех этих жанрах открывался читателю высокий поэтический талант Сергея Александровича. Его стихам всегда были свойственны точность и ясность политической позиции, глубокая, неподдельная народность, меткость сатирического удара, тонкое чувство родного слова. Немало трудов положил С. А. Швецов и на переводы сатирической поэзии наших республик.

Прощай, дорогой друг! Твое поэтическое слово будет жить и бороться за наше великое общее дело, которому ты честно служил.

— Это моя тактическая новинка...



Врасывание.

Рисунки В. ТИЛЬМАНА и Е. ШАБЕЛЬНИКА



— А вот здесь я приготовил противнику западню...

— Раньше я великолепно играл в домино.

Я НА ПЕРВОМ МЕСТЕ

Позволь, дорогой Крокодил, отлипнуться сразу на две твои заметки, опубликованные в этом году.

В заметке «Издалека долго...» («Крокодил» № 7) сообщалось, что один житель г. Усть-Кута, Иркутской области, получил открытку от другого жителя этого же города через 18 дней.

Ну, хорошо. Кстати, 18 дней — совсем не так уж много. Но вот в заметке «Поздравили...» («Крокодил» № 10) мо-

сковский педагог О. Шумицкая сообщила, что она получила открытку от своей московской подруги через 73 дня.

Это, конечно, уж темпы, с

которыми приходится считаться.

И все-таки я пока что чувствую себя «на высоте». Мой львовский друг послал мне поздравительную открытку к 7 ноября 1968 года, а получил ее — все равно не угадаешь! — 14 марта 1969-го! Итого — 131 день в пути от улицы Воровского до улицы Шевченко. В общем, открытка шла со

скоростью нескольких метров в сутки.

В заметке «Издалена долго...» было, между прочим, сказано: «И даже напрашивается идея объявить иронический всесоюзный конкурс на самое медленное продвижение почтовых отправлений».

Если бы ты, дорогой Крокодил, и объявил такой конкурс, мне бы он, во всяком случае, был не страшен. Первое место все равно осталось бы за мной!

И. ЧАРСКИЙ
г. Львов.

КРОКОДИЛ

№ 15 (1917)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРOK СЕДЬМОЙ
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»



журнал
выходит
три раза
в месяц

Темы рисунков этого номера придумали:
А. Алешичев, М. Вансборд, О. Ведерников,
А. Грунин, В. Жарников,
С. Кузмин, Н. Станновичев,
В. Тильман, Ю. Узбеков,
В. Устинов, Е. Шабельник.



Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного
редактора)

Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
(ответственный
секретарь)

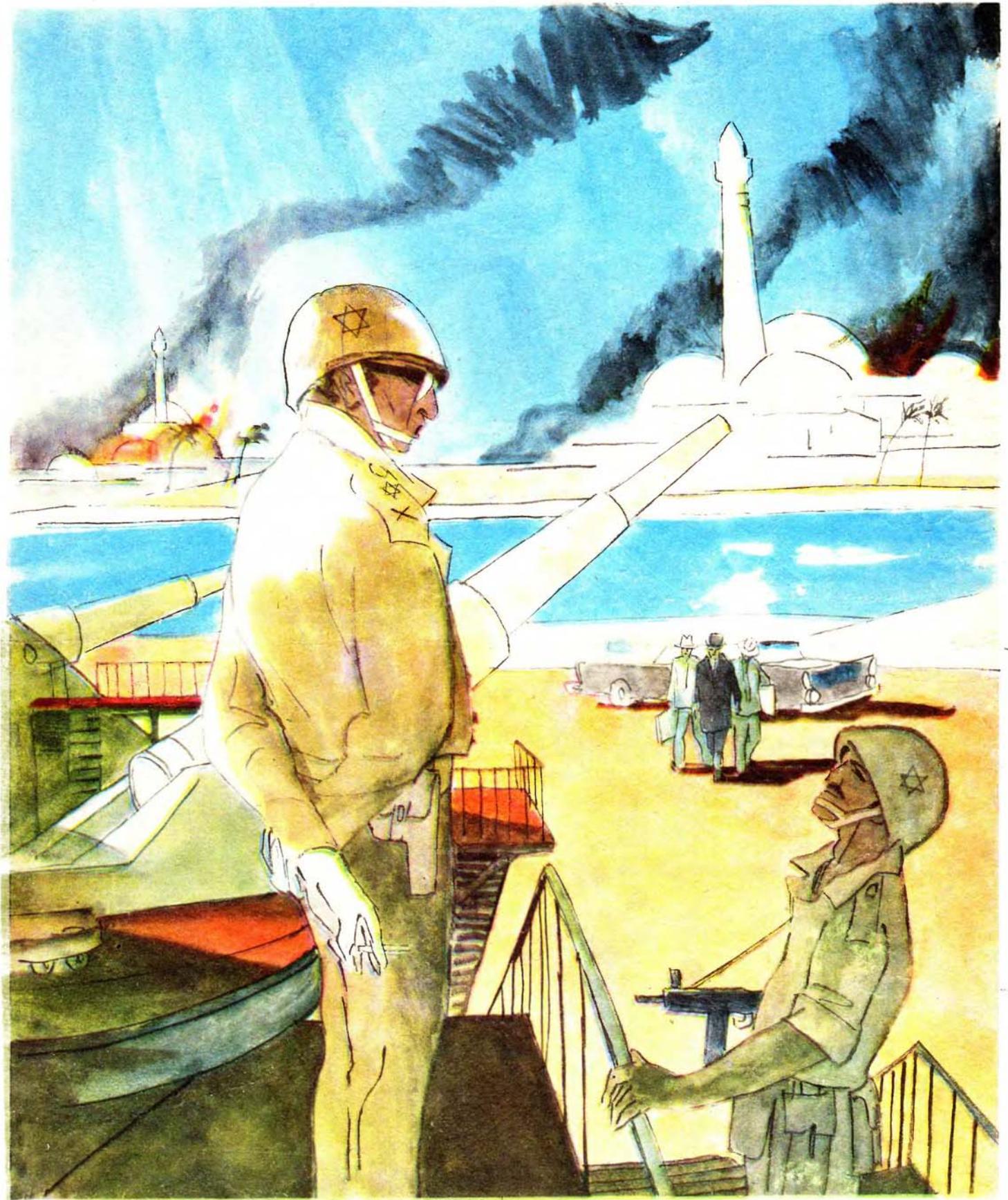
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00112.
Подписано к печати
20.V. 1968 г.
Формат бумаги 70×108½
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 400 000 экз.
(1 завод. л. — 4 339 450).
Изд. № 595.
Изд. № 1450.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47.
ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448



— Господин генерал! Прибыл представитель ООН!
— Займите его пока разговорами об арабской агрессии.

Рисунок Евгения ШУКАЕВА